

Лидеры лицом к лицу: опыт прошлого для современности (тезисы выступления на конференции в РГГУ)

Каково значение личных отношений, личного контакта лидеров в отношениях между странами, между великими державами?

Мои мысли на этот счет основаны на личном опыте 1985-1991 гг. и на наблюдениях «со стороны» в последующий период.

Если говорить об этом последнем периоде, то опыт неоднозначный.

Ельцин – Клинтон: дружелюбные с самого начала личные отношения. Но выстроить модель межгосударственных отношений не удалось. В целом отношения между Россией и США развивались по нисходящей, с ускорением в конце (Югославия, начало расширения НАТО), хотя личные отношения между двумя президентами были хорошими, и их удалось в целом сохранить.

Путин – Буш: доброжелательное с обеих сторон начало; использование «дополнительного канала» (Блэр – по модели Горбачев – Тэтчер, Киссинджер, Буш-старший) для установления личных отношений. На межгосударственном уровне: шаги навстречу США со стороны России, в том числе упреждающие, о которых американцы не просили, предположительно с целью повлиять лично на президента. Но без результата. Отношения продолжали развиваться по нисходящей, с ускорением в конце (в связи с конфликтом в Грузии). В сухом остатке – «вышли из ПРО по-честному, и всё» (и на том спасибо, хотя это и плохо).

Медведев/Путин – Обама. От конструктивного начала и шагов США навстречу России (торможение расширения НАТО, реконфигурация ПРО, выгодный для России договор СНВ) до обвала отношений в 2014 году. Личные отношения – от доброжелательных до резкого похолодания и неприязни, по крайней мере, у одной из сторон.

Путин – Трамп: взаимная симпатия. Стремление выстроить межгосударственные отношения через личные и договориться «по-пацански» о какой-то «большой сделке» (grand bargain). Однако отношения продолжают ухудшаться уже более двух лет.

Итак: личные отношения президентов складывались по-разному, но общая тенденция в отношениях между Россией и США, к сожалению, негативная на протяжении практически всего периода с 1992 года по настоящее время.

Как это соотносится с опытом 1985 – 1991 годов?

Накануне встречи Горбачева и Рейгана в Женеве – минимальные ожидания, в том числе в СССР. В статьях аналитиков, в том числе Арбатова, Бовина и других – мысль о том, что с этой администрацией (читай – с этим президентом) ничего не получится, придется ждать следующего.

Первая встреча один на один – острый, идеологизированный "заход" Рейгана (резкая критика марксизма-ленинизма, стремления СССР переделать мир на свой лад). Это крайне необычно для межгосударственных переговоров. (Много лет спустя сын Рейгана Майкл рассказывал, что Рейган должен был выговориться, он всю жизнь мечтал «все выложить» советскому лидеру). Горбачев сказал членам делегации, что Рейган «настоящий динозавр». Но когда Замятин стал педалировать эту тему, прервал его: «Другого президента у нас нет, его выбрали американцы».

Удалось принять совместное заявление: «Ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей... стороны не будут стремиться к достижению военного превосходства».

Надо отметить, что перед саммитом Тэтчер, Миттеран в переговорах с Горбачевым давали позитивную оценку Рейгану как человеку способному договариваться, несмотря на крайне правые политические позиции. От Тэтчер это было ожидаемо, от Миттерана – в меньшей степени (он ссылаясь на высказывания Рейгана на «семерке» в Хьюстоне).

Но в целом акцент был не на личные отношения. Они складывались постепенно. Были моменты личных трений, взаимного раздражения, острой реакции на шпионские скандалы, высылки дипломатов, заходы американских кораблей в территориальные воды СССР (и их силовое вытеснение) и т.п. В окружении обоих лидеров были разные люди, которые давали разную информацию и по-разному пытались на них влиять. Об этом сейчас известно больше, чем тогда. Но **лидеры удержали курс**. Они были очень разными людьми, но в этом проявили себя одинаково.

Что их сближало, несмотря на большие различия?

Неприятие ядерного оружия. Не риторическое, а, можно сказать, отвращение на «клеточном уровне».

Готовность к переговорам, к компромиссу. Почти текстуальное совпадение некоторых высказываний на этот счет. Посол Мэтлок цитирует ответ Рейгана на слова одного из советников, что, дескать, «русские не хотят соглашаться с нашими позициями»: «Когда я вел переговоры от имени профсоюза киноактеров, я был доволен, если принимали 60-70% наших позиций». Горбачев на совещании послов: «Надо учитывать позицию другой стороны, идти навстречу там, где возможно». То же самое – при подготовке к Рейкьявику.

Выстраиванию отношений, в том числе личных, способствовало также **планомерное ведение переговоров**. Отказ США от «увязки» по Киссинджеру (на этом настоял Шульц). Хотя в отношениях все взаимосвязано, нельзя доводить это до абсурда, например когда СНВ и ПРО увязываются с эмиграцией из СССР. Отсюда договоренность о «повестке дня из четырех пунктов» и создании четырех «рабочих групп», которые встречались на регулярной основе (безопасность и разоружение; региональные проблемы; двусторонние отношения; гуманитарные проблемы и права человека). Установка: договариваться там, где это возможно, без увязки, но ожидая, что прогресс в любой из областей повлияет на общую атмосферу и будет способствовать прогрессу в других.

К моменту встречи Горбачева, Рейгана и Буша на Губернаторском острове осенью 1988 года отношения существенно улучшились, в том числе и личные отношения стали гораздо более дружелюбными. Некоторые люди из окружения Буша даже говорили, что «два старика» (Рейган и Шульц) что-то слишком расчувствовались. В этом, возможно, одна из причин объявленной администрацией Буша «стратегической переоценки», которая продлилась до мая 1989 года и привела к потере темпа в отношениях.

Но в дальнейшем отношения между Горбачевым и Бушем в целом складывались по той же модели, что и прежде: акцент не на «личный контакт», а на работу по конкретным проблемам. **Отношения подвергались большому испытанию** (объединение Германии, кризис в Заливе).

Важный момент – встреча Горбачева и Буша в Хельсинки в сентябре 1990 года в связи с вторжением иракских войск в Кувейт. Договорились координировать усилия с целью добиться вывода войск. Других целей («смена режима») не ставилось. В итоге американские войска не пересекли границу. Лидеры держали свое слово.

Был достигнут невиданный прежде уровень сотрудничества и доверия, в том числе личного. Об этом свидетельствуют опубликованные записи бесед в Ново-Огарево и Мадриде (июль и октябрь 1991 г.)

Несмотря на срыв перестройки (по причинам внутреннего характера) достижения этого периода неоспоримы. В том числе и с точки зрения чисто прагматических интересов СССР/России. Так, казалось бы, довольно абстрактная **договоренность о совместной концепции стратегической стабильности** (в Заявлении по итогам визита Горбачева в США летом 1990 года) позволила избежать гонки вооружений в области ПРО и гигантских расходов, которые были бы с ней связаны.

Все это – без «заглядывания в душу» и метафорических брудершафтов.

Выводы:

Во-первых, очевидно, что для отношений между нашими странами в постконфронтационный период характерна бóльшая персонализация, чем прежде.

Во-вторых, это не привело к реальному партнерству.

В-третьих, мне кажется, что как таковая задача создания особых отношений на личном уровне и тем более использования таких отношений для каких-то «прорывов», «больших сделок» и т.п. в отношениях между государствами не должна ставиться. Возможно, от таких попыток больше вреда, чем пользы. ***Личное взаимопонимание и определенный уровень доверия достигается в процессе упорной работы по преодолению конкретных проблем и противоречий в межгосударственных отношениях.*** Разумеется, роль президентов в этом очень велика, причем не только во взаимодействии с партнерами по переговорам, но и в работе со своей стороной.